

БОРИС ЗУБКОВ,
ЕВГЕНИЙ МУСЛИН

Немая Исповедь

Фантастический рассказ

1

«18 февраля 19.. года. Кража в библиотеке. Доктор Марио Бетета, хранитель архива в Национальной библиотеке, сообщил нашему корреспонденту: сегодня ночью неизвестные злоумышленники похитили алфавитную картотеку изобретателей, зарегистрированных в патентном ведомстве за последние пятьдесят лет. Два ящика с именными карточками, весом в тридцать пять фунтов каждый, вынесены через пролом в наружной стене между двенадцатью и часом ночи, после первого обхода дежурного сторожа. Доктор Марио Бетета сетует на скудость правительственных ассигнований, не позволяющую устроить в здании библиотеки надежную сигнализацию. Похитители пока не найдены».

«21 мая 19.. года. Убит выстрелом в сердце сеньор Убико Хорхе. Вдовец 54 лет, он жил одиноко в своем доме на Прасаду Комерсио. Убийство по личным мотивам — ревность, нарушение брачного обещания и т. п. — крайне маловероятно. По мнению экспертов, несчастного застрелили из винтовки фирмы «Голланд и Голланд» с оптическим прицелом. Уже после кончины злодеи тщательно обрили голову трупа и смазали ее какой-то сильно пахнущей мазью. Цель подобных манипуляций абсолютно непонятна и загадочна. Сеньор Убико Хорхе известен своими крупными инженерными работами в химической промышленности. Его последнее изобретение, работу над которым прервала смерть, должно было принести немалую прибыль

фирме, ценнейшим специалистом которой являлся покойный. В некоторых, обычно хорошо информированных кругах убийство Хорхе связывают с весьма загадочными исчезновениями еще двух наших видных изобретателей...»

//

— Ради бога, посмотрите, не идет ли по левой аллее человек в синем плаще? У вас молодые глаза, вы видите далеко. Да не так, черт возьми, не оборачивайтесь! Я научу вас, как надо смотреть. Разглядывайте облака, смотрите вверх и поворачивайте, медленно поворачивайте голову... Теперь один взгляд, только один, вниз и наискосок... Вот так.

— Аллея пуста.

— Значит, у меня двадцать минут передышки. Я хорошо научился следить за тем, что происходит за моей спиной. Тысячи приемов. Годятся витринные стекла, зеркала парикмахерских, даже полированные двери. Особенно удобны окна в вагонах подземки... Что я болтаю. Не обращайтесь на меня внимания. Я просто болен, да, болен... Смотрите, смотрите. Нет ли поблизости полицейского с маленькими рыжеватыми усиками?

— Вы боитесь полицейских?

— Не всех. Только того, кто с рыжими усиками. Он тоже один из этих. Что там чернеет?.. Куда вы смотрите?.. Вон там, между двумя кустами.

— Это всего лишь решетка парка.

— Не стоит ли за ней автомобиль?

— Если вас действительно преследуют, то проще оставить машину за углом, а не выставлять ее напоказ.

— Вы младенец. Так удобнее стрелять.

— Понимаю. У вас в карманах весь наличный золотой запас Национального банка? В слитках или монетами?

— Плохая шутка. А теперь идите, идите. Проваливайте!

— Давно ли вы купили эту скамейку, сеньор? Почему вы не повесили на ней плакат «Частная пристань»?

— Если вы хотите поджариться на костре, разожженном для другого, оставайтесь.

— Я неплохо боксирую, и во мне двести фунтов. Я остаюсь.

— Спасибо. Видимо, ваше благородство простирается настолько далеко, что вы даже не потребуете от меня никаких объяснений?

— Мало держать в руках бутылку, сеньор, надо еще ее раскупорить. Хотя кое-что узнать бы не мешало...

— Говорят, черт, набравшийся опыта, лучше неопытного ангела. То, что я на вас вылью, мой юный друг, превратит вас в дюжину чертей. Не расстаться ли нам, пока не поздно?

— Сеньор, вы опасаетесь человека в синем плаще? Он здесь. Прячется за каштанами, что растут на том берегу пруда.

— Они измучили меня.

— Идите налево, к выходу. Быстро! Я буду все время сзади...

— ...Теперь мы спустимся по Руа да Прата в гавань.

— Я предпочел бы переулки.

— Руа да Прата похожа на базар. В толпе легко затеряться. А не доходя до гавани два квартала, свернем в переулок. Если вы уж так обожаете переулки...

Они шли мимо магазинов, нестерпимо блестевших зеркальными стеклами, мимо кафетериев, пытавшихся уйти в редкую тень пальм и олеандров. И хотя потянувший с моря бриз проветрил улицу, жара испепеляла. На перекрестках, открытых солнцу, полицейские-регулирующие обливались потом в своих мундирах из толстого серого сукна. Чистильщики обуви запрятались глубже под пестрые навесы. Город плывал в растопленном масле желтого зноя. Только двое случайных знакомых не замечали жары.

III

— Зачем вы привели меня сюда? Последний этаж — это опасно. Вероятность того, что призывы о помощи услышат соседи, уменьшается вдвое. Ведь над нами никого нет, кроме тех, кто любит устраивать засады на чердаках. И вообще это звучит неприятно — последний этаж, последний этап, последний шанс...

— Вы совсем псих. Кажется, я зря с вами связался.

— Конечно, зря. Абсолютная истина в последней инстанции — зря! Я буду преподносить вам одну пилюлю за другой. Вот первая, хорошенькая, ароматная пилюлька — я обокрал покойника! Как вам такое понравится?

— Сколько же монет вам удалось выудить из его карманов?

— Я выудил самое ценное — то, что было в его голове.

— Боюсь, сеньор, что у вас припасено много историй. Лучше я приготовлю полную кастрюльку кофе, и мы поболтаем не спеша. А то ваши слова прыгают, как зубья пилы по железному дереву. Сюда никто не заявится, уверяю вас. Домовладелец почему-то вбил себе в голову, что я служу в тайной полиции, и боится меня, как сатаны. Исчезаю, сеньор! Иду делать кофе. Я стряпаю его так, что потом сердце выпрыгивает из ушей...

— Действительно, отличный кофе. И портвейн из Алентежой! Они воскрешают меня. Так вот — я обокрал покойника. Он был моим лучшим другом, мы когда-то вместе учились в Кويمбрском университете, хотя и на разных факультетах. Мой друг Акилино всю жизнь что-нибудь изобретал. Зарабатывал неплохо. Последнее время его интересовал новый способ получения электрической энергии. Кто-то догадался вычерпывать электричество из струй раскаленных газов. Величайшее изобретение со времен Фарадея. Вы знаете, кто такой. Фарадей?

— У него большая фирма, сеньор?

— О бог мой! Ваше невежество искупается только вашим кофе. Если можно, еще чашечку... Акилино сумел получить энергию этим новым способом. Но его установки давали только постоянный ток. Акилино для каких-то таинственных целей нужен был переменный ток. Он и меня сумел заразить своими идеями. Потом Акилино тяжело заболел. Все знали, что он скоро умрет. Однажды вечером я вернулся от него домой сильно опечаленный. Тогда я не бродил по чужим чердакам, а жил на Руа да Сура в хорошем старинном доме. В квартире, кроме меня, ни души. Тихо, словно в склепе. Вдруг я услышал, как останавливаются мои часы. Тикают все тише и тише, будто испугались собственных звуков. Раздалось последнее тиканье, и я внезапно увидел решение проблемы, которая так мучила

Акилино. Догадка возникла в мозгу внезапно, как вспышка молнии. Я понял, почему поэты говорят: «Меня озарило!» Действительно, озарение, вспыхнувшая звезда, сноп искр — все что хотите в подобном роде. Я посмотрел на часы, стрелки застыли на девяти часах тридцати минутах. Потом я узнал, что Акилино скончался в девять часов четырнадцать минут. Совпадение? Как бы не так! Я обокрал покойника — вот правда. Несчастный все время размышлял над проклятым вопросом, он не давал ему покоя до последнего вдоха. Предсмертная агония — и одновременно взрыв гениальных догадок! Вы понимаете, в последнем рывке мозг испепеляет сам себя... Смотрите, смотрите, ваши часы остановились! Кто-то умер... Они убили еще одного... Я знаю...

— Успокойтесь, сеньор. Моя неаккуратность, не завел вовремя свой будильник...

— Когда Акилино умер, часы остановились. Почему? В этом что-то есть... Налейте мне еще вина... О чем я говорил? Да, предсмертные взрывы в мозгу. Факелы протуберанцев. Пламя от последней вспышки обжигает и чужой мозг. Разумеется, не всякий. Только тот, кто настроен в унисон с мозгом бедняги. Если они думают об одном и том же, между ними протягивается незримая связь, хрупкая, как нить из лепла. Она держится мгновение и рассыпается в прах. Этого мгновения достаточно, чтобы передать самое важное. Я поймал последнюю мысль Акилино и воспользовался ею. Потом получил патент на изобретение, сделанное мертвецом, и присвоил его себе. Грудю золота за патент никто не дал, но кое-что я выручил. Вот так я обокрал покойника. Нравится?

— Запутанная история. Еще вина?

— Наливайте... Потом я подумал: не может быть, чтобы последняя отчаянная вспышка сознания не оставила следа в самом умирающем мозгу.

— Неужели мысли застревают в мертвой голове?

— Мозг живет и после смерти. Недолго. Несколько минут. Он угасает, как керосиновая лампа, в которой кончился керосин. Когда у меня появились деньги, я купил небольшую лабораторию. Даже нанял двух специалистов. Мы сумели сделать аппарат, который вылавливал в умирающем мозгу шорохи жизни. Биохимический усилитель. Чудовищно чуткий прибор. Отзывался на самые тонкие химические реакции, сопровождающие каждую мысль, анализировал ионные потоки в нервных клетках и тому подобное. Кое-что нам удавалось подслушать через сутки после смерти. А какие шквалы бушевали в мозгу в момент агонии!

— Откуда же вы брали покойников? Или?.. Нет, не может быть! Вы убивали? Вы убийца, а я вас прячу, защищаю. Идиот! Сколько вы убили ради своих гнусных опытов?

— Ни одного. Мы заключили контракт с Национальным биологическим музеем. В мое распоряжение поступали сотни разных животных, от полевой мыши до обезьянки уистити.

— Лжете! Для таких опытов животные не годятся. Это даже я понимаю. Что могли вы отыскать в мышиних или собачьих мозгах? Вам нужны были люди. Самые умные люди для самых ужасных опытов, будь я проклят...

— Не горячитесь. Неужели теперь нужно успокаивать вас?

Рисунки В. НЕМУХИНА
и В. КОВЕНАЦКОГО

Поймите: я не болтаю, — я исповедуюсь в ожидании последнего часа. Врать бесполезно и унижительно. Каюсь, мы не жалели животных. Обливали их крутым кипятком, забивали железными прутьями до смерти, оглушали током. Необходимо было добиться, чтоб в их сознании оставались яркие впечатления...

- Ничего себе — впечатления от железных прутьев! Извергии!
- Мы говорили более мягко — острый опыт.
- Представляю себе, как они орали...

— Ни звука. Особая операция горла. Лаборатория — царство тишины, шум раздражает... Кто-то крадется!..

— Моя соседка. Мы зовем ее Ночничок. Она всегда уходит на работу, когда темнеет. Извините.

— Она не могла подслушать?

— У нее свои заботы, сеньор.

— Два года мы исследовали, что творится в головах четвероногих. Настал день, когда электронный скальпель должен был коснуться разумного мозга...

— Вот видите!

— Замолчите! Я был тогда в каком-то исступлении, исследовательская горячка трясла меня, я готов был принести в жертву собственную голову. Но нам было нужно много голов...

— О дева Мария, и вы так спокойно толкуете об этом! Откуда же вы их взяли, эти головы? Поступили сторожем в морг?

— В морг привозят слишком поздно. А мы хотели исповедовать мертвый мозг сразу после предсмертной исповеди его еще живого владельца. Мы должны были идти по путям за исповедующим священником. Так и сделали...

— Церковь не простит вас.

— Она поддержала нас. Один из специалистов, работающих в моей лаборатории, оказался активным деятелем «Пакс Романа» — союза католиков-интеллигентов. Мы сошлись на том, что «Пакс Романа» получит сорок процентов возможной прибыли. Они исповедуют душу, мы — тело.

— Разве мысли можно продать?

— Они ценнее золота. Разумеется, не все. Нас интересовали люди одержимые, посвятившие всю жизнь решению какой-либо проблемы. Главным образом это были изобретатели. Мы составили обширную картотеку и подстергали их последние дни. И даже чаще, чем мы думали, этих одержимых в последний момент озаряла гениальная догадка. Наш аппарат улавливал сверхъестественно яркую вспышку сознания и расшифровывал ее. Охота за идеями оказалась удачной. Теперь они охотятся за мной.

— Вы их обманули? Утаили прибыль?

— Утаил свои мысли. У меня тоже есть своя главная идея. Сокровенная и могущественная. Она нужна им. Они поклялись добыть ее любой ценой. Я знаю, как все произойдет. Меня убьют выстрелом в сердце. У них отличные снайперы. Потом в комнату ворвутся двое или трое. Они будут очень спешить. В руках у одного будет металлический колпак. Термоэлектрическим ножом они сожгут волосы у меня на голове — так быстрее, чем брить. Намажут голову вонючей электропроводящей пастой и наденут колпак. За это время другой подготовит записывающую аппаратуру.

— Так не будет. Мы сейчас же отправимся к окружному прокурору, он спрячет вас.

— Спрячет? Предоставит убежище в тюремной камере? Тогда меня убьет не снайпер, а каторжник, которому пообещают за эту крохотную услугу шикарный побег. А тот, с колпаком, примчится в камеру под видом тюремного врача.

— Мне жаль вас. Вы попались в собственную западню. У вас есть деньги?

— Девять тысяч эскудо. Ровно столько, сколько стоят похороны на кладбище Алто де Сан-Жоан.

— Долой похороны! Слушайте внимательно. У меня есть друзья, студенты-медики. Мы поедем в Центральную больницу, в отделение для бедняков. Там вас зарегистрируют, знакомые студенты — они всегда дежурят по ночам, собачья вахта не для настоящих врачей — найдут у вас смертельную болезнь и отправят в госпиталь святой Евлалии. Но до святой Евлалии доедет только регистрационная карточка. За пару тысяч эскудо тамошний регистратор переложит карточку в ящик умерших и выдаст мне свидетельство о вашей смерти. С таким свидетельством я смогу официально оповестить кого угодно о вашей скорострительной кончине. Словом, вам проштемпелюют билет на тот свет, но вы останетесь от поезда. Ловко?

— А дальше?

— Начнете жить заново под другим именем. Соглашайтесь, сеньор. Мы уже однажды проделали такой трюк с одним моряком, удравшим с военного корабля. Теперь он обзавелся новыми документами, плавает под чужим флагом — и счастлив.

— Новые документы? Бумажки! А кто даст мне новую жизнь? Все кошмары последних лет останутся внутри меня. Старые язвы в новых лохмотьях — вот что вы мне обещаете... Я совсем пьян...

— А я спускаюсь вниз, чтобы позвонить из кафе в Центральную больницу.

IV

В отделении для бедняков процедура осмотра похожа на ленивую игру со строгими правилами. Два-три вопроса, ответы на которые почти не слушают, и кивок в сторону санитаря. Тот записывает фамилию, сердится на нерасторопность больного и выдает ему штаны с кургузой курточкой без пуговиц. Сегодня большинство больных направляют в госпиталь святой Евлалии. Туда они должны прибыть уже в больничной униформе, и поэтому всехкупают здесь в грязноватых ваннах. А на дворе их ждет маленький облупленный автобус. Впрочем, кто желает, может добираться самостоятельно...

— Сеньор презабавно выглядит в этой курточке.

— Я сам себя не узнаю. С меня содрали что-то большее, чем костюм. И ничего не дали взамен.

— Вы получили надежду! О-ля-ля! Она чего-нибудь стоит!

— Откуда у вас такая роскошная машина?

— Ухажер сестренки так расчувствовался, что дал мне эту карету на пару дней. Не машина, а дракон. Жрет бензин и километры, словно хочет получить первый приз на конкurse обжор.

— Я вижу, вы привыкли держать в руках руль.

— Возможно... Сейчас в госпитале святой Евлалии вас регистрируют как покойника. Умора!..

— Завидую людям, которых веселят пустяки.

— Разве ваша собственная жизнь, сеньор, это пустяк?

— Сами видите, какой я жалкий трус. Вот и цепляюсь за жизнь. А достоин казни.

— Ну-ну, сеньор, не так мрачно!

— Вы знаете не все. После того как мой аппарат заставил говорить мертвых, дельцы из «Пакс Романа» взбесились. Торговля гениальными идеями оказалась слишком прибыльной. Они больше не хотели дожидаться естественного конца какого-нибудь дряхлого гения. Их агенты вооружились бесшумными револьверами и моими аппаратами. Они даже не нарушали тайну исповеди — я помог им исповедовать этих несчастных уже после смерти. Они прикончили Убико Хорхе. Это был гениальный изобретатель. И мой брат. Брат... Я виновен. Но кто мог предвидеть такой кошмар?.. Куда вы меня везете?

— Мы поедем вдоль Тахо до Абрантиша. Там по железнодорожному мосту перескочим через реку и отправимся в долину Мондегу. Моя родина, сеньор! В долине сейчас цветет миндаль. Но к Абрантишу лучше подъехать днем. Полицейские, как филины, — ночью зорче...

Они свернули с шоссе и остановили разгоряченную машину в изломанной тени двух низкорослых пальм.

— Выпьем, сеньор, за цветущий миндаль и наши успехи!

Стаканы пахли бензином.

— Хотел бы я знать, сеньор, о чем вы сейчас думаете.

— Не вы один норовите залезть в чужую голову. Генералы не доверяют ученым, промышленники только по необходимости терпят специалистов. А знаете, почему? Никто не знает, сколько мыслей производит твоя голова за день! Десять, сто, тысячу? Это злит всех, кто покупает твое время. Их мучают сомнения: все ли свои идеи и соображения ты отдал? Не утаил ли чего? Если бы они могли просто купить фунт догадок, тонну идей! Продается тонна идей! Постоянным клиентам скидка! Комиссионных только два процента! Спешите! Идеи гениальные, что удостоверяется клеймом окружного инспектора!.. Что вы озираетесь? Вы кого-то ждете?

— Никого.

— Да, то, что в голове, — это самое ценное. Так что будьте спокойны — они заставят нас выложиться полностью. Выпьют и высосут все мысли. Все до единой! Тогда и электронным мозгам найдется занятие. Машины разложат наши несравненные идеи по классам, очистят от шелухи, скомбинируют. Живая мысль — полуфабрикат для электронных мозгов. Великолпно! У меня много таких забавных идей. Я обманул «Пакс Романа», я скрыл свое главное, самое восхитительное изобретение! Я усовершенствовал свой аппарат. Теперь не надо никого убивать. Можно высасывать гениальные идеи у живых. Вот за чем они охотятся! Крупная добыча!

— Грязная обезьяна! Значит, ты и в самом деле утаил от нас такую замечательную штуку?

— От кого — «от нас»? Кто ты?.. А-а-а... Ловушка! У тебя в кармане свидетельство о моей смерти. Я уже мертв!.. Мерзавец...

— Эй, что вы делаете?! Отдайте револьвер! Эй!.. Проклятье, он убил себя...

В ответ на призывный свист вспыхнули фары еще одной машины, прятавшейся до той минуты в каштановой роще.

— Сюда, ребята! И спрячьте свой дурацкий аппарат. Здесь он не пригодится. Этот выстрелил себе в голову. Сами видите...
